

Надежда Тэффи

Любовь и весна

Часть сборника
О любви (сборник)

Надежда Тэффи

Любовь и весна

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745365

О любви / Тэффи: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46278-0

Аннотация

«Она показывала мне свои альбомы и целые пачки любительских снимков.

Считается почему-то, что гостям очень весело рассматривать группу незнакомых теток на дачном балконе.

- А кто этот мальчик?
- Это не мальчик. Это я.
- А эта старуха кто?
- Это тоже я.
- А это что за собачка?
- Где? Это? Гм... Да ведь это тоже я...»

Надежда Тэффи

Любовь и весна

(Рассказ Гули Бучинской)

Она показывала мне свои альбомы и целые пачки любительских снимков.

Считается почему-то, что гостям очень весело рассматривать группу незнакомых теток на дачном балконе.

– А кто этот мальчик?

– Это не мальчик. Это я.

– А эта старуха кто?

– Это тоже я.

– А это что за собачка?

– Где? Это? Гм... Да ведь это тоже я.

– А почему же хвост?

– Подожди... Это не мой хвост. Хвост это вот от этой дамы. Это одна известная певица.

– Так почему же, если певица, так ей полагается быть с хвостом?

– Гм... Не совсем удачная фотография. Такое освещение. А вот старые снимки. Довоенные. Эту особу знаешь?

Особа была лет десяти, с веселыми ямочками, с белокурыми косичками, в форменном платье с широким белым воротником.

– Да это как будто ты?

– Ну, конечно, я.

Она долго смотрела на свой портретик, потом засмеялась и сказала:

– Этот портрет относится к периоду моего самого интересного романа. Моей первой любви.

– Да ведь тебе тут лет десять-одиннадцать.

– Ну да.

– Как же это я не знала. Расскажи, пожалуйста. Ведь ты тогда была в лицее.

– Вот, вот. Ужасный роман. У нас, видишь ли, образовался особый клуб. Не в нашем классе, а у больших, там, где были девочки уже лет четырнадцати-пятнадцати. Не помню сейчас, в чем там было дело, но главное, что все члены клуба должны были быть непременно влюблены. Невлюбленных не принимали. А у меня, в этом классе у старших, была приятельница, Зося Яницкая. Она меня очень уважала, несмотря на то, что я была маленькая. А уважала она меня за то, что я очень много читала, и, главное, за то, что писала стихи. У них в классе никто не умел сочинять стихи.

Вот она переговорила со своими подругами и рекомендовала меня. Те, узнав про стихи, сразу согласились, но, конечно, спросили – влюблена ли эта Зу и в кого?

Тут мне пришлось признаться, что я не влюблена. Как быть?

Я бы, конечно, могла наскоро в кого-нибудь влюбиться,

но я была в лицее живущей и ни одного мальчишка не знала.

Зося очень огорчилась. Это было серьезное препятствие. А она меня любила и гордилась мной.

И вот придумала она прямо гениальную штуку. Она предложила мне влюбиться в ее брата. Брат ее, гимназист, молодчина, совсем взрослый – ему скоро будет тринадцать.

– Да ведь я же его никогда не видала!

– Ничего. Я его тебе покажу в окно.

Пансион у нас был очень строгий, вроде монастыря. В окошко смотреть было запрещено и считалось даже грехом. Но старшие девочки ухитрились в четыре часа, когда из соседней гимназии мальчишки шли домой, подбегать к окошку, конечно, поставив у дверей сигнальщика. Сигнальщик, одна из девочек по очереди, в случае опасности должна была петь «Аве Марию» Гуно.

И вот на следующий же день прибежала за мной Зося и потащила к окну.

– Смотри скорей! Вот они идут. Вот и он, Юрек. – У меня сердце колотилось так, что даже в ушах звенело.

– Который? Который?

– Да вон этот, круглый!

Смотрю – действительно один из мальчишков ужасно какой круглый – ну совсем яблоко.

Мне как-то в первую минуту больно стало, что нужно любить такого круглого. А Зося говорит:

– Ты согласна?

Ну что делать? Я говорю:

– Да.

А Зося обрадовалась.

– Я, – говорит, – сегодня же вечером спрошу, согласен ли он в тебя влюбиться, потому что в нашем клубе требуется, чтобы любовь была взаимна.

На другой день отзывает меня Зося в угол и рассказывает, как она предложила Юреку в меня влюбиться. Он сначала спросил Зосю: «А что я от тебя за это получу?» Но Зося ему объяснила, что это надо сделать совершенно даром, и рассказала ему про клуб. Тогда он спросил: «Это какая же Зу? Это та, что с абажуром на шее?»

Поломался немножко, но, впрочем, в конце концов согласился влюбиться.

Мне было очень неприятно, что мой чудесный воротник, которому многие девочки завидовали, он назвал абажуром, но из-за такого пустяка разбивать и свое, и его сердце было бы глупо.

Итак – начался роман.

Каждый день в четыре часа я вместе с другими героинями бежала к окну и махала платком. На мое приветствие оборачивалось круглое лицо, и видно было, как оно вздыхает.

Потом Зося принесла мне открытку, которую Юрек сам для меня нарисовал и раскрасил. Открытка очень взволновала меня, хотя на ней и были изображены просто-напросто гуси. Я даже спросила Зосю – почему именно гуси? Зося от-

ветила, что это оттого, что они ему очень хорошо удаются.

В ответ на гусей я послала ему стихи. Не совсем свежие – я их уже несколько месяцев писала в альбом подругам. Но они ведь от этого хуже не стали.

Когда весною ландыши цветут,
Мне мысли грустные идут,
И вспоминаю я всегда
О днях, когда была я молода.

И вот дня через два передала мне Зося стихи от Юрека. Стихи были длинные. Тогда была мода на декадентов, и он, конечно, просто перекатал их из какого-нибудь журнала. Стихи были непонятные, и слова в них были совсем ужасные. Читала я, спрятавшись в умывалку, Зося стояла на часах. Я как только прочла, так сейчас же разорвала бумагу на мелкие кусочки, кусочки закрутила катышем и выбросила в форточку.

От стихов в голове стало совсем худо и даже страшно. Ухватила я только одну фразу, но и того было довольно, чтобы прийти в ужас. Фраза была:

Я как больной сатана
Влекусь к тебе!

Больной сатана! Такой круглый – и вдруг оказывается больной сатана! Это сочетание было такое страшное, что я

схватила Зою за шею и заревела.

В четыре часа не пошла к окошку. Боялась взглянуть на больного сатану.

Был у меня маленький медальончик, золотой с голубыми камешками. Вот я пробралась потихоньку в нашу часовенку и повесила этот медальончик Мадонне на руку. За больного сатану. Так и помолилась: «Спаси и помилуй больного сатану».

Настроение у меня было ужасное. Чувствовала и понимала, что погрязла в грехе. Во-первых, смотрела в окно, что само по себе уже грех, во-вторых, влюбилась, что грех уже серьезный и необычайный, и, наконец, этот ужас с большим сатаной. Такой страшный объект для любви!

А тут как раз наступил пост и моя первая исповедь.

У нас девочки всегда записывали на бумажке свои грехи, чтоб чего-нибудь не забыть. Грехи записывались свои, чужие – то есть те, которые знала, да не донесла, а покрыла и, так сказать, сделалась как бы соучастницей. Затем грехи обычные и, наконец, тяжкие.

Я все записала, как другие, а в последний момент записочку-то и потеряла.

Можете себе представить мое состояние? И без того-то в душе ужас, хаос, отчаяние, а тут еще грехи потеряла.

А храм у нас был старый, черный, с колоннами. Черные огромные ангелы нагнулись и трубят в трубы. А в узкое узорное окно стучат дождевые капли и текут по стеклу слезами.

И надо будет сказать старому строгому кюре о моем страшном грехе. И он не простит меня, ни за что не простит, и закачаются колонны, и затрубят черные ангелы, и рухнут своды.

– Будь проклята, черная грешница!

И вот я у окошечка. Рассказываю дрожащим голосом о том, как лгала, как украла у Галюси чудную новую резинку, маленькую, круглую. Потом вернула. Как люблю сладкое, как ленюсь. Ах, все это пустяки. Я не ребенок, я отлично понимаю, что сам кюре позавидовал бы такой резинке. Все это вздор и мелочи. Главное впереди.

– У меня есть страшный грех.

– Какой, деточка?

Лечу в пропасть. Закрываю глаза.

– Я влюблена.

Он ничего, спокоен.

– В кого же?

Шепчу:

– В Юрека.

– Что же это за Юрек?

– Он Зосин брат. Он очень взрослый. Ему скоро тринадцать.

– Вот как! А где же ты с ним видишься?

– А я совсем не вижу. Я в окно.

Он ничего, только брови поднял.

– Вот, – говорит, – деточка, как нехорошо. Вам ведь за-

прещено в окошко смотреть. Надо слушаться.

Я все жду, когда же он рассердится. А он говорит:

– Ну вот, больше в окошко не смотри, а помолись Богу, чтобы Юрек был здоров и хорошо учился.

Только и всего!

И вдруг весь мой страшный грех показался мне таким пустяком, и вся история с Юреком такой ерундой, а сам Юрек смешным, круглым мальчиком. И вспомнились разные унижительные для героя штуки, которые рассказывала Зося и которые я инстинктивно пропускала мимо ушей. Как Юрек боится темной комнаты, и как ревел, когда был у дантиста, и как съедает по три тарелки макарон со сметаной.

«Ну, – думаю, – дура я, дура! И чего я так мучилась».

На другой день побежала в четыре часа к окошку. Вижу – ждет.

Я скорчила самую безобразную рожу, высунула язык, повернулась спиной и ушла.

– Зося, – говорю. – Я твоему брату дала отставку. Пусть так и знает.

На другой день приходит Зося в школу страшно расстроенная.

– Ты, – говорит, – сама не знаешь, что ты наделала! Юрек говорит, что ты его оскорбила и что он, как дворянин, не перенесет позора.

Я безумно испугалась.

– Что же он сделает?

– Не знаю. Но он в ужасном состоянии.

Как быть? Неужели застрелится?

Я надена длинное черное платье и всю жизнь буду бледна. А самое лучшее сейчас же пойти в монастырь и сделаться святой.

Напишу ему прощальное письмо. В стихах. Он тогда стреляться не будет. Со святой взятки гладки.

Стала сочинять.

Средь ангелов на небе голубом
Я помнить буду о тебе одном.

Не успела я записать эти строки, как вдруг – цоп меня за плечо. Мадемуазель! Наша строгая классная дама.

– Что ты там пишешь, дитя мое?

Я крепко зажала бумажку в кулак.

– Я тебя спрашиваю, что ты такое пишешь? Покажи мне.

– Ни за что!

Она поджала губы, раздула ноздри.

– Почему?

– Потому что это моя личная корреспонденция. – Очевидно, я где-то слышала такое великолепное официальное выражение, оно у меня и выскочило – к моему собственному удивлению.

– Ах, вот как!

Она схватила меня за руку, я руку вырвала. Она поняла,

что ей со мной не справиться.

– Петр!

Петр был сторож, звонил часы уроков, подметал классные комнаты.

– Петр! Сюда! Возьмите у барышни записку, которая у нее в кулаке.

Петр шмыгнул носом и решительно направился ко мне.

Тут я гордо вскинула голову и швырнула смятую бумажку на пол:

– С мужиком я драться не стану! – Повернулась и вышла. Девочки разъехались. Меня на праздники не отпустили. Я наказана. И то еще хорошо. Собирались вообще выгнать из лица за дерзкое поведение и безнравственное стихотворение.

Я сидела у окна и писала сочинение, которое в наказание задала мне классная дама.

Сочинение о весне.

Праздничный благовест лился в окно. Пух цветущих деревьев летел и кружился в воздухе. Щебетали веселые птицы, и пахло водой, и медом, и молодой весенней землей.

«Весна», – написала я.

И крупная слеза капнула, и расплылось чернило моей «Весны».

Я обвела кляксу кружочком и стала разрисовывать сиянием.

И, не правда ли, она, эта моя весна, заслужила сияние?

Ведь она у меня так и осталась в нимбе моей памяти, как видите – на всю жизнь.

«Весна».